

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual N° 949917

Suc. 30 (B)
Correo
Argentino

FRANQUEO PAGADO

Concesión N° 4233

Concesión N° 3980

INTERES GENERAL

AÑO XXXIV - Viernes 17 de Setiembre de 1982

Буэнос Айрес, 17 сентября 1982 N° 1678

НАША КОНСТИТУЦИЯ

За последнее время можно прочесть — не в одной “Нашей Стране” — много нового материала о возрастающем интересе русских людей к монархическому прошлому России и к монархической идее вообще. Как орган русской монархической мысли, “Наша Страна” не может не отметить этот несомненно повышающийся интерес в нашем народе к почвенному образу правления, и при этом, со своей стороны, сделать известные необходимые уточнения.

Особенно благоприятным поводом для таких уточнений может послужить ряд мыслей Николая Алексея, взятых из самиздата и опубликованных под заглавием “Возрождение монархизма” в N° 1674 “Нашей Страны”, от 20 августа с. г.. Не только потому, что они ясные и определенные, но и потому, что это — свежий голос из России.

Следуя порядку самой статьи, в первую очередь обращает на себя внимание утверждение автора, что в нынешней России существует “определенное число мыслящих людей, полагающих, что наилучшей и естественнейшей формой политического строя в стране была бы конституционная монархия”. Автор сразу же добавляет, что это “вапрос требующий пояснений”, и со своей стороны дает их. Во-первых он отмечает необоснованность противопоставления монархии демократизму, в то время как “монархизм противопоставляется лишь республиканскому строю, а отнюдь не принципу народоправства, с которым вполне считаем”. Очень хорошо автор отмечает принцип нравственной власти, как и принцип служения, на которых держится подлинный монархизм, а также и местное децентрализованное управление и реальное осуществление принципов неприкосновенности личности, которое является его предпосылками.

Что касается определения “конституционной монархии” как “наилучшей и естественнейшей формы политического строя”, то в корне и по сути оно вполне правильно. Дело в том, что выражение “конституционная монархия” шокирует несмыслаемо прилипшими к нему реминисценциями связанными с февралем и с идеей так называемой учредилки, то есть с двумя наиглупейшими и наипошлейшими идеями нашей истории. Но сам по себе смысл этого выражения отнюдь не плох. В первую очередь, потому что настоящим антиподом “конституционной монархии” (будем пока что пользоваться этим

выражением) является абсолютная монархия, по своему духу и по своей форме полностью нам чуждая.

Чуждая потому, что наша русская монархия всегда была православной, то есть не абсолютной, а ограниченной не только нравственными началами, но и конкретным учением православной Церкви.

Чуждая потому, что русская монархия была монархией служебной, а не самодовлеющей.

Чуждая потому что наша русская монархия была с самого начала правовой (первый монарх был призван “иже бы володел нами и судил по праву”), в которой монарх подчинялся закону, а не стоял над ним.

Во вторую очередь, это выражение — “конституционная монархия” по настоящему своему смыслу именно и относится к нашей русской исторической власти, лишь позднее частично искаженной под вредным влиянием чуждых нам западных политических идей и понятий. Именно поэтому сама претензия заново “учредить” то что исторически с самого начала было в зародыше своем учреждено и устроено, а затем в течение веков органически продолжало развиваться, являлось претензией до крайности нахальной, по своей форме, и враждебной по отношению к нашей стране, по своей сути.

Государственный строй (то есть “конституция”) Руси родился и естественно вырос из общих с другими славянскими народами корней: наряду с князем мы всегда видим выборных ответственных деятелей (как-то посадских и тысяцких в Новгороде), которые после окончания срока своего служения пожизненно остаются в составе высшего совещательного органа (в Новгороде господский совет, а в Москве боярская дума), при неизменном народном соучастии в решении общих судьбоносных вопросов (в дотатарской Руси — вече, при Иоанне Грозном расширенном до Земского Собора). Эта структура государственного строя существовала и у южных славян, как например в Которе, где наряду с князем существовали малое и большое вече.

Можно даже провести известную параллель со строем древнеримской монархии, тоже сочетавшей в себе эти четыре элемента: верховная власть одного (рекс), управительная власть отборных (назначаемых или избираемых) деятелей (префект милиции, то есть тысяцкий, так как “миле” и есть “тысяча”, а затем и вообще “магистратов”, то есть

“больших людей”, по некоторой интерпретации этимологически соответствующих нашим “болярам”); совещательная власть лучших (сенат, то есть этимологически совет старших, а на деле отстойка или осадок магистратов); и, наконец, народное собрание. Этот порядок в основных своих чертах долго сохранялся и при республике (слово это обозначало что-то вроде “общего дела”), которое даже не упразднило полностью сам титул “рекса”, а превратило его или в чисто священную должность (рекс сакрорум) или в последний источник легитимной власти во времена безвластия (интер рекс). Именно это последнее учреждение “интер рекса” говорит с чисто римской юридической четкостью о монархической власти как единственной легитимной, оправдывающей все другие виды власти, и в первую очередь власти выборные. Как известно, выбранные народом консулы, из кандидатов предложенных сенатом, становились носителями высшей власти лишь после соответствующего назначения предыдущими консулами. Если таковых по каким-либо причинам не было, то сенат выбирал из своей среды “между царя” (интер рекса) для того, чтобы он назначил новых консулов. Не выборы, а назначение символизировало трансцендентность и легитимность высшей власти (“империум”), в то время как власть выборная лишь обладала авторитетом, ибо она была служебной. (Сенат обладал авторитетом, у него была “аукторитас патрис”, то есть “авторитет отцов”, ибо “отцы” государства по аналогии с отцами семейства, “приумножают”, увеличивают (“аугере”) все положительное, что государству необходимо).

В Афинах тоже можно проследить приблизительно те же самые структуры (архонты, ар-оплаг, совет) и сохранение титула “василевса” даже во времена демократии. Что касается последней, то она является режимом основанном на назначении на государственные должности по жребию, в то время как выборное начало является началом аристократическим, по определению самого Аристотеля.

Как видно из этого краткого экскурса в политическую историю, нужно весьма осторожно относиться к политической терминологии — конечно если есть желание оставаться на почве научной серьезности и точности. Это современным полуневежественным идеологам присуще путать все политические выражения, так как они сами на-

ходятся на беспути, употребляя их смотря по собственной нужде каждого момента. Таким образом и зародилась агитация против “авторитарных” режимов, после того как А. И. Солженицын однажды употребил это слово, подняв его тем самым на щит действительно передовой политической мысли. Эта агитация хочет нам внушить, что само выбажение “авторитарный” символизирует что-то плохое, и даже чуть-ли не монархическое. На самом деле, оно обозначает просто положительный, преумножающий политический режим, в противовес режимам отрицательным, деградирующим. Не обязательно авторитарный режим должен быть монархическим, так как на самой родине этого выражения оно в течение многих веков относилось к республике, а не к монархии.

Тут мы подходим к утверждению автора комментируемой статьи из самиздата, о том что “монархизм противопоставляется лишь республиканскому строю, а отнюдь не принципу народоправства”. В некотором отношении, но только лишь в некотором, он конечно прав. Дело в том, что если исходить из классической классификации всех политических режимов на три правильных вида (“орфас политеас”, где “орфас” значит то же самое что и в слове “орфография”) и на три вида искаженных режимов, то мы в обоих случаях имеем дело с разделением на “власть одного”, на “власть немногих” и на “власть многих”. В таком случае, “власть одного” (“монархия”) может быть противопоставлена “власти многих”, т. е. политее, или республике, в латинском переводе этого слова. Но в более глубоком смысле, монархия является антиподом тирании, то есть своего собственного искажения, также как и республика является антиподом своего искажения, то есть демократии. Конечно, в современном мире, после французской революции, слово республика очень часто употреблялось в противовес монархии, с преданием ему даже известного антирелигиозного оттенка, что и нужно иметь ввиду при его употреблении.

Что касается сочетаемости монархизма с принципом народоправства, о которой говорит автор самиздатской статьи, то тоже несомненно, что такая сочетаемость существует не только отвлеченно в теории, но и существовала конкретно на практике в исторической действительности нашей страны, также как и существовало местное децентрализованное управление, и не только со времен зем-

Д. ИНОЗЕМОВ

МЕЖДУ РАДОСТЬЮ И ГАДОСТЬЮ

Была ли "Гавриилада" плодом творчества Пушкина-подростка (ему приписывают ее сочинение в 17-летнем возрасте, хотя сам он этого авторства нигде не признавал) или нет — не важно, как не важно количество младенцем использованных пеленок для суждения об его личности в зрелом возрасте. Но почему-то редко в облике Пушкина видят ученого, пренебрегая учитывать немалочисленные исторические его изыскания и записки, и человека недюжинного здравого государственного ума. Или нашему "невинно-де вственному в области мысли", но привыкшему к избытку сменных легких развлечений и впечатлений ему понятнее (и приятнее) образ сангвиника, легко увлекающегося, беспечного и слегка развратного, да еще и с "африканским темпераментом"; а иной — зрелого в 30 лет мужа — обязывает задуматься?

Пушкин: "лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения общественных нравов без всяких насильственных потрясений."

Изобилие еврейских имен или скрывающих их псевдонимов во всех отраслях культурной жизни на родине (но и... в эмиграции; например, в литературных салонах Парижа, не только теперь — не будем винить третью волну — но и с 20-ых годов начиная), далеко превышающих процент еврейского населения в России или в эмиграции, наводит на грустные размышления. Пока это соотношение 1,5 на 100, т. е. равно проценту еврейского населения в России до присоединения западных областей — все в порядке; 3 на 100 после присоединения — хорошо; 10 на 100 — молодцы, способные, трудолюбивые и прыткие; но — 300 на

100? Тут, в зависимости от темперамента и мировоззрения, можно реагировать отрицательно — бей жидов! Но какие же мы после этого христиане? Или положительно: э-э паря, не пора ли опомниться, стряхнуть лень и показать, что мы свое первенство не только количеством шапок доказать можем!

С другими политическими эмигрантами следует искать сходства, единство цели, а не разногласий, особенно прошлых.

Кстати, с возрастом ум человека, как вино: хорошее становится лучше (а человек — мудрее), скверное — скисает. Политики же говорят: кто в 18 лет не бунтовщик — у того не кровь в жилах, но кто в 30 все еще таковым остается — у того не мозг в голове...

Чтобы не нарушить не расстроить, чтобы не разрушить, а построить... В. Высоцкий

Одной из догм коммунистической пропаганды (да и социалистической в различных государствах), является всеобщее и обязательное более или менее стандартизированное образование. Мало кто задумывается над тем, насколько штамповка универсальных недоучек обогащает человечество или это сознательное равнение на низы.

При этом чрезвычайно ценная в формировании личности профессия учителя начальной школы лишается творческого момента, особенно если учесть, что воспитание при этом подходе не входит в его обязанности. Естественно, что педагогу "Божьей милостью" в стандартных школах, перегруженных жесткой, но редко выполняемой в срок и до конца программой делать нечего, профессия его не удовле-

творяет и он уходит в любую другую, оставляя детей бездарным и бездушным исполнительным чинушам. Или место остается вакантным, классы увеличиваются численно, и все чаще поднимается вопрос об электронном обучении.

Чем скверный учитель — лучше уж механический. Только что при этом с душой детской? В мире демократий ответственность перед Богом и совестью на всех ступенях иерархий пытаются заменить ответственностью перед законом или даже буквой закона. Душе, свободному творчеству — в этих системах места нет.

Свободное творчество в разнообразии школьных программ следует пристально рассмотреть как возможную систему образования в будущем нашей страны, и предоставить родителям и общественности выбор, а следовательно, и естественный отбор: никто своим детям не враг. Неподготовленные родители ошибутся не больше, чем чинуши и карьеристы от образования. Больше доверяя сердцу и совести, чем закону и бумажке!

Задумываться над этим вопросом не преждевременно: в воспитании — будущее страны. Радость бытия — в многообразии Божьего творения. Допустимо ли людей стричь под одну гребенку!

Прогнозы Романа Полянского "НС" от 26-2-82 очень интересны: в чертовщине и климовщине он большой дока, а так как политика современная изготавливается в адовой кухне, то и сведения его — из первоисточников. А уверенность в освобождении от угнетения (возрождении?), которое придет из Советского Союза — закономерно: и бесы знают и трепещут.

ской реформы Императора Александра 2-го. Больше того, эта сочетаемость была гораздо шире, и простиралась не только на принцип народоправства, но и на аристократический принцип отбора лучших, но отбора для служения, а не для привилегий. Претензии на привилегии появились позже, в порядке заимствований с запада, чьи государственные структуры не сложились органически как на Руси (или как в древнем Риме), а возникли в порядке завоевания варварами бывших провинций развалившейся западной римской империи. Служильный класс лучших людей на Руси не произошел из завоевателей и не мог иметь психологии таковых. Искусственная привилегия претензий на привилегии без прямой зависимости от тяглой службы была большой политической трагедией для нашей страны, и привела в конечном итоге к физическому упразднению этой социальной прослойки.

Нет никакой возможности в данном случае даже кратко резюмировать развитие на Руси этого "сочетанного" политического строя, органически совмещавшего в себе начала монархии, аристократии и народоправства. Можно лишь ска-

зать, что исходя из своих древних корней, как на это было указано выше, этот строй достиг своего юридического завершения в 16-ом веке, в виде институции Земского Собора, который являлся органом власти обще-земской, включавшей в себя Царя и Думу. Поэтому этот сочетанный строй уместнее всего назвать соборным строем, или соборной монархией, каковое выражение гораздо лучше, конкретнее и полнее выражает смысл и дух нашей исторической "конституционной монархии".

Именно такое чеканное определение российского почвенного политического строя вызывает дикое сопротивление со стороны врагов нашей политической самобытности. Сопротивления идущего от террористического убийства Государя Александра 2-го (как только в его царствование был поднят вопрос о возможности созыва Земского Собора), и до утверждения, что само начало соборности присуще лишь Церкви и чуждо политике. Абсурдность этого последнего утверждения явствует не только из политического употребления этого выражения на Руси и у южных

славян, но и из самого его этимологического смысла. При его помощи было переведено на славянский язык греческое выражение "кафоличность", каковое происходит от "кафа олон", что значит в согласии со всеми. (Кроме того, существует предположение, что употреблявшиеся часто в римской политической жизни выражения "квиринус", "квириты" и "курия" — идут от "ковирии"; имеют общий корень с этим словом).

Таким образом, наша монархия была в принципе и стремилась быть на практике монархией в "согласии со всеми", то есть соборной. В этом "со всеми" конечно подразумевается весь народ, и поэтому соборная монархия и есть монархия народная. Однако, все-таки соборность шире народности, ибо она выходит за рамки существующего в данный исторический момент народа, простираясь и на прежние его поколения, в принципиальном согласии с которыми лишь может и быть обеспечена подлинная сущность нашей политической самобытности и независимости.

Интересно, что выражение "сочетанной власти" было употреб-

О мюнхенском "Вече": зачем столько критики? Не любо не читай. Опасность для убежденных монархистов? Какие же они после этого монархисты? Критиковать же любого активного человека — куда как просто.

Чтобы "отовариться" в советском государственном магазине нужно запастись терпением, смирением, пробойной силой, выносливостью, невозмутимостью, заискивающими улыбками, временем, тарой... и даже со всем этим вы получите далеко не всегда вожделенный, нередко подпорченный, товар. А вот на Бесарабке (в Киеве "колхозный рынок", попросту говоря — частный) баба подает вам за гривенник соленый огурчик — загляденье как цветок, и еще с улыбкой желает: "на здоровьечко!"

Ручной труд, любая "простая" специальность, давно уже незаслуженно перестали пользоваться престижем. К сожалению. Как часто они могут быть залогом свободы и даже жизни! В концлагерях и тюрьмах, и парикмахер выживали, так как их умение было нужным там, где гибли научные работники и врачи был избыток. Но и в мирное время, наше, которое мы считаем нормальным, отсутствие боязни физического труда дают человеку независимость от продажи совести и ума, от нечистых сделок и компромиссов: нет честной работы за письменным столом или в руководстве — некоторое время прожить можно и подсобной, ремесленной работой. А какой блестящий аргумент мозоли на руках и крепкие мускулы против обрюзгших белоручек — партийных "рабочих депутатов" и профсоюзных деятелей!

Хорошо бы помочь нашей молодежи, наряду с "престижными" традиционно-интеллигентными профессиями освоить и ремесленные. Кстати, и в монастырях рекомендовали монахам труд физический: ритмичная работа помогает сосредоточиться на молитве или медитации, не говоря уже о кровообращении и общем мускульном тоне. (В классе, на лекции внимательный слушатель часто что-нибудь чертит,

лено Львом Тихомировым в его труде "Монархическая государственность", в котором он выдвигает идею различения властей управительных от верховной власти, что не исключает их сосуществования. Истинную монархию он и определяет как государственный строй, в котором ясно выражено начало единой верховной власти, при одновременном существовании сочетанных управительных властей. К этому можно добавить, что само выражение "монархия" можно перевести не только как "единовластие", но и как "единоначалие", так как "архе" это скорее начало, принцип, чем власть. Поэтому наш политический строй, или нашу политическую "конституцию", можно определить и как "единоначалие в соборности". Единовластие в соборности могуще политически существовать даже и без физического наличия монарха, как это было во время освободительного движения 1611-1613 годов, и как это будет на первых этапах восстановления Российского Государства.

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

В. БОГДАН • МИМИКРИЯ В СССР

ТРУДОВАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ VERSUS СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ

В предисловии к своей книге "Мимикрия в СССР" (являющейся отчасти продолжением прежней, "Студенты первой пятилетки"), Валентина Алексеевна Богдан выражает опасение, что период 1935-1942 гг. в СССР останется навсегда недостаточно освещенным в литературе.

Можно бы возразить, что романы и рассказы С. Максимова, Н. Нарокова, Л. Ржевского, Г. Андреева, Б. Филипова и других в какой-то мере этот пробел заполнили, не говоря уже о множестве опубликованных на Западе после Второй мировой исследований о различных классах населения, — военных, техников, писателей, партийцев и т. д. Но заполнили все же недостаточно, и воспоминания Богдан весьма кстати. Тем более, что теперь те же годы переосмысляются в печати по новому, под перьями третьей волны, — нередко пристрастно и превратно.

Глупо цитировать самого себя; но мне приходит на память одна моя статья в "Нашей Стране", где я писал, что жителей Советского Союза можно суммарно делить на две категории: довольных и недовольных. Применяя данный критерий, главные персонажи "Мимикрии", автор и ее муж, явно принадлежали к категории недовольных. Они, однако, относились материально к сравнительно благополучной группе населения: она — инженер, он — научный работник. По психическому же складу оба были из людей далеко не требовательных, терпеливых и работоспособных; из высшего сорта прослойки, которую законно будет назвать рядовой подсоветской интеллигенцией.

Труд им представлялся вещью нормальной, хотя бы и до предела сил, и в своей профессии они делали добросовестно, с желанием приносить максимальную пользу. Дисциплина, даже суровая, их не пугала, и им казалось скорее есте-

ственной. Склонности к революционным новшествам, модернизму в литературе и искусстве, у них не наблюдалось и в помине; потребности в доведенной до крайности индивидуальной свободе — и того менее. Умеренные, спокойные, прилежные, — во всяком ином обществе они считались бы примерными гражданами и ценными работниками.

Но советская жизнь (хотя другой они не знали, выросши уже при большевиках, окончив школу к началу 30-ых годов) им становилась все нестерпимее с каждым днем. Работа, помимо того, что тяжелая, часто оказывалась поневоле неэффективной, ввиду обязанности осуществлять план, внедрять стахановщину, создавать иллюзии несуществующих производственных успехов. Культурные потребности нельзя было удовлетворять, пусть и столь заурядные, как слушать оперы или смотреть пьесы классических авторов, вместо советских, — сплошь пропагандных. Детей невозможно было воспитывать иначе, как в духе советской агитации. Атмосфера доносов, слезки, арестов, необходимости голосовать за смертную казнь вредителей, отрезаться от попавших в чекистскую мясорубку друзей и родных, обязанность восхвалять Сталина, принимала все более удушающий характер. Богдан и ее муж так жить чувствовали себя прямо не в состоянии, — не в силу предвзятых политических рассуждений и рецензентов, а просто потому, что они были, по самой своей сути, — глубоко порядочными людьми, с трезвой головой и добрым сердцем.

Рассказ об абсурдном, — но хорошо нам всем знакомом, — царстве лжи и составляет общий фон книги. Вот повседневная беседа с партийным служащим: "Разговор принял скучный оборот; все грязные дела настоящего прикрываются разглагольствованиями о прекрасном и чистом будущем. Я не могла решить: верит ли он сам

в то, что говорит? Видит ли он противоречия в своих собственных рассуждениях? Скорее всего видит, но считает, что дружить, в том числе и меня, можно буднично демагогией".

Отклики тех же самых ощущений слышатся в словах ей знакомого и доверяющего ей рабочего: "Что меня злит больше всего, Валентина Алексеевна, это то, что меня хотят заставить верить чему-то, не сообщая фактов. Кто-то решил, что я недостаточно умный, чтобы найти для себя сам, в чем правда? Будто я, как ребенок, в 30 лет все еще нуждаюсь в руководстве в таких вопросах, где каждый человек должен решать сам за себя".

Дискуссия с маленькой дочкой, которой в детском саду объяснили, что надо любить товарища Сталина, вызывают у нее горькие мысли: "Не могла же я сказать Наташе, что Сталин зверь в образе человека... что его невозможно любить за его дела".

Типично удивление, с каким автор в детском саду объяснили, что надо любить товарища Сталина, вызывают у нее горькие мысли: "Я еще не встречала людей, которые бы считали февральскую революцию благом. Все мои родные и друзья, которые позволяли себе говорить откровенно в моем присутствии, дружно ругали Керенского и Февраль, как начало бедствий для России".

В ответ на его фразы, что мол "России нужно было демократическое правительство", она отзывается со всею непосредственностью здравого смысла:

"Но, Николай Николаевич, зачем нам нужно было новое правительство? Века и века жили люди под царем и нужды не знали; по крайней мере, по сравнению с теперешней жизнью, раньше была не жизнь, а масленица! Жили спокойно, делали, что хотели, были сыты, обуты, одеты, никто не заставлял ходить на собрания, изучать историю партии,

а самое главное: никого не насиловали говорить и даже думать согласно партийной линии! Что может быть лучше: живи, делай и думай, что хочешь, только не нарушай законов! Самых необходимых законов, без которых общество не может существовать".

Таков суд над советским строем, заметим, не обломка привилегированных классов или бывшего человека, а вчерашней советской школьницы и студентки первой пятилетки, дочери железнодорожного рабочего, Вали Богдан!

Отсюда не диво радость, заполняющая ее душу при известии о начале войны (тем более могу ее понять, что и сам то же испытывал!): "Вот оно, начало конца советской власти!" И целиком логичны ее советы брату, призванному в Красную Армию, не воевать за коммунизм и при первом случае сдать в плен. Когда же тот бормочет о долге защищая родину, она взрывается:

"Родину! Наша родина уже 23 года в руках врагов — коммунистов, и ты будешь защищать не ее, а их! Ты рассказываешь про ужасы, творящиеся немцами, но нас, видевших ужасы коллективизации... ничем уже больше не ужаснешь!"

Отметим еще одну черту повествования В. Богдан: ее редко проявляющийся и не броский, но заразительный юмор. Вроде сцены, где ее отец, посмотрев на картину, изображающую Сталина, окруженного детьми, восклицает: "Посмотрите-ка, волк и семеро козлят!"

Или история про парк, названный в честь видного коммуниста Шеболдаева, объявленного позже врагом народа, и о публичке, продолжающей в простоте душевной говорить: "Я иду в парк имени предателя Шеболдаева".

Закрывая "Мимикрию в СССР", заканчивающуюся на приходе немцев в Ростов, хочется пожелать, чтобы В. А. Богдан дала этой книге дальнейшее продолжение. Последовавшая эпоха тоже ведь была драматической и интересной, и хотя о ней немало написано, и по разному, описание ее индивидуальной судьбы наверно сможет внести в общую картину любопытные детали.

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

рисует, скручивает в клочек бумаги — это помогает ему сосредоточиться на мысли).

Спорт, так рекомендуемый во все эпохи экономического изобилия и духовного упадка, только частично восполняет действительное презираемого теперь физического труда: бессмысленно бежать по транспортеру, жать педали гимнастического велосипеда, гонять мячик любого размера по выдуманным правилам, именуемым игрой для скрашивания бессмыслицы — все это применяется и в школах и в детских садах, и маститыми профессорами в противовес сидячему образу жизни с жупелом инфаркта и склероза. Однако — не дает удовлетворения рабочим процессом и созданными ценностями. Большинство великих умов человечества успешно уравновешивали свою умственную деятельность садоводством, плотничеством, — ручным ремесленным производственным и полезным трудом, который дает куда лучшие показатели в борьбе с сосудисто-сердечными и нервными заболеваниями.

+ +

Надо обратить внимание на тот

факт, что вся еврейская молодежь в той или иной мере подготовлена к исполнению функций "инженеров душ". За ничтожнейшими исключениями, они либо кончают курсы лидеров — таковые есть при всех еврейских клубах, организациях и синагогах — либо какое-то время выступают в театрах, либо преподают — все равно что и где, т. е. получают практическое, ремесленное, если можно так выразиться, обучение руководству массами и, особен

но обучение руководству массами и, особенно в юношеском возрасте, охотно проходят практику среди иных религиозных и национальностей. Что не мешает им помимо этого овладевать различными профессиями. Однако, армия профессионально подготовленных мелких руководителей — кружковых, клубных, групповых, театральных, учителей на всех уровнях — всегда готова. Вероятно, синхронизирующие центры и высшее руководство тоже не заставят себя ждать.

Не является ли это примером, достойным подражания?

Д. ИНОЗЕМОВ.

ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ

НЕ ТОЛЬКО КУБАНЬ...

В интереснейшей статье А. Хахулина "Чувства Народа", ("Наша Страна", от 30-го июля) есть замечание которое мне, как донцу, да и многим донцам, может показаться если не обидным, то во всяком случае неточным.

Уважаемый г-н Хахулин пишет: "... Кто знает историю Белого Движения, тот знает, что Кубань была самым верным оплотом этого Движения. Такова она и сейчас по своему духу."

Очень приятно то, что историей Белой борьбы интересуются в подъяремной России, о чем я уже и раньше писал и что теперь подтверждает А. Хахулин. Но насчет того, что Кубань была "самым" верным оплотом Белого Движения — у нас есть другие сведения. Понятие о начале Белой борьбы у нас всегда связано с Доном. Не только вся эпопея началась именно на Дону, но и все основные силы Дона, влились в ря-

ды белых воинов.

Марина Цветаева писала:

"... И в словаре задумчивые внуки
За словом долг, напишут
слово Дон."

Что же касается того, что верной осталась Кубань и по сей день, то если это точно, нам поистине очень и очень отрадн это услышать.

Г. М. Моисеев (С. Аравия)

СОЛЖЕНИЦЫН И РЕЙГАН

"Наша Страна" в № 1613 опубликовала список политических эмигрантов из Советского Союза, приглашенных в Белый Дом на завтрак с президентом Рейганом и сделала к нему такое замечание: "Немудрено, что Солженицын отказался стать в ложный ряд этих русофобов". Список приглашенных никому не был известен — его

Д. РЖАНОВ

ОШИБКИ И ИТОГИ

О НЕДОПОНЯТОЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ДЕМОКРАТИИ ИЛИ:
КОМУ БИТЬ МОРДУ?

Мысли эти навеяны статьей "Судьба Бахметевского архива" ("НС" № 1667).

В государственных учреждениях демократических стран вы подвержены произволу: чем демократичнее — тем больше. В саксонских — чуть вежливее, меньше взяток, больше порядка и законности... пока; сильны еще унаследованные качества. В латинских же бытует ни к чему не обязывающая улыбка — тоже наследственная, но во Франции, например, без взятки обвенчаться нельзя было, а со взяткой — хоть с собственной мамой!

Еще полезно иметь блат, который, как известно, превышает совнаркома.

Но горе вам, если вы не попали в фавор, или против вас кто-нибудь большую взятку дал, или есть в этом деле у кого-то более важные соображения. В поисках справедливости, вооруженный неопровержимыми доказательствами и документами, вы вначале мечетесь; затем, потеряв силы и надежды, в унынии слоняетесь из одной канцелярии в другую, и перед очевидностью своей правоты ответственного лица не находите никогда! Подписал не он, а его начальник; к тому — его сменили; заместитель ничего переменить не может... — А морду бить некому!

Однако, в результате демокра-

тического воспитания мы легче доверяем "организации" и учреждению, чем частному лицу или лицам. Солиднее нам кажется — архив при университете, куда лучше! Ну, а если — безобразия, кто за него ответственен? Не то что морду бить, а и спросить то не с кого. Разве что стены университетские избить в бессилии.

Джентельменское соглашение может быть между джентельменами. Организации же состоят из текущего состава людей и людишек.

Рвать на себе волосы — непроизводительно. Попытаться отвоевать архив — бесперспективно. Попробовать во всяком случае следует, но взывать к совести тех, кто, по всей видимости, неспроста заинтересовался и секретными документами и антибольшевицким архивом — весьма наивно.

А вывод сделать необходимо, как руководство к жизни:

Ценные для русской истории и культуры иконы, документы, книги, имущество следует передавать загодя или завещать лицам, которые пользуются наибольшим вашим доверием. Документы, а также ценные рукописи желательно с заветными копиями трем-четырем разным лицам: все мы под Богом ходим. Учитывать надо также возможность войны, революции, пожара, стихийных бедствий, а также и то, что чрезвычайным вашим

доверием обличенное лицо может "законсервировать" ценнейший документ даже в сейфе за неимением времени, средств, интереса или энергии, необходимых, чтобы дать ему увидеть своевременно свет.

Все эти распоряжения желательны, но делать их можно раньше, так как с возрастом у человека все меньше желания, времени и сил этим заниматься: не позже 50-ти лет рекомендуется дела свои привести в порядок. Господь давая нам в руки ценности, налагает и ответственность за них. А как часто у человека волосы встали бы дыбом, если бы узнал он, в чьи руки попадет им взлелеенное дело, ценность или обличающее свидетельство!

Прямые наследники редко бывают и душевными нашими соотечественниками. Разность интересов или спутник жизни могут воспрепятствовать им применить унаследованное сообразно наисму пожеланию. Ценности материальные — и те обидно, если, с нашей точки зрения, прахом пойдут. Автор этих строк с болью наблюдал, как иностранка, вдова русского эмигранта, распродавая библиотеку, за это вы что-нибудь не дадите?"

Д. РЖАНОВ

Розыски

Толтовский Фонд разыскивает Афанасия Леонтьевича Микичук, 1913 года рождения. Последние вести о нем были получены в 1977 г. из аргентинской провинции.

Сообщить по адресу Т. Ф. Av. Roque Saenz Peña 974, 9 — A CAPITAL

НАША СТРАНА

ОРГАН РУССКОЙ
МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

+++

Издатель М. В. Киреев
Редактирует Редакционная
Коллегия

Статьи, подписанные фамилией или инициалами, не обязательно всегда полностью выражают мнение редакции. Редакция не отвечает за содержание публикуемых объявлений, сообщений и иных документов, исходящих от учреждений или частных лиц. Редакция не возвращает присланные ей материалы и не вступает в переписку по поводу неприятных для печати рукописей.

Сдается меблированная комната, с пользованием телефоном и кухней, район: Ла Люцила-Оливос. 791-9749

Экономист Платон Алексеевич Журавлев, окончивший в 1938 г. Московский Ин-т Центросоюза СССР, просит откликнуться всех экономистов по товарообороту и народно-хозяйственному планированию, для совместной литературной работы.

Адрес: P. SZURALOW, Diplom-Volkswirt, 8190 Wolfratshausen, Postfach 1449, West Germany.

опубликовали уже после завтрака. В том и мудрость Солженицына, что в связи с той шумихой, какая поднялась вокруг этого приглашения, он разгадал, что на этом завтраке, под водительством пресловутого Пайпса, готовятся представить Россию не в истинном свете, а ее извратить и унижить. Потому Солженицын и — не принял в нем участия. Тогда спешно пригласили знаменитого музыканта М. Ростроповича. Но он всегда поддерживал Солженицына еще в Советском Союзе; поддержал он его и на этот раз. Ростропович тоже отказался от приглашения, мотивируя это тем, что он уезжает на гастроли в Париж.

Стало также известным заявление Рейгана, что он надеется встретиться с Солженицыным еще в этом году.

Я. Тельнов (Аргентина)

НЕ "МОЯ", А РУССКАЯ

Согласен с Д. Ржановым ("Трибуна читателя", "НС" № 1671): вредна личная ненависть к политическим противникам; не надо никогда радоваться или смеяться над их бедностью, болезнями, семейными несчастьями (в таких делах не грех иному и помочь). Тем более не надо зря бросать обвинений в провокации (они допустимы лишь на базе серьезных оснований). И, конечно, желательно ясно понимать их взгляды и устремления (что и для борьбы с ними полезно).

Но принимать их политические рецепты уже вещь рискованная; а отречься от наших — вовсе

неразумная. Это как раз то, чего от нас хотят враги: отказа от монархических лозунгов; какой-то нас ослабит и сделает для них безобидным. Вот почему они нам настойчиво предлагают объединиться в любви к России, — на непредвзвешенческой платформе (на самом деле, получилось бы **измена России**).

Не станем сходить на ложный путь! Не будем забывать мудрые слова И. Л. Солоневича: "У нас есть идея; не мы ее выдумали; и с нами она не умрет." Это — не наша индивидуальность, отнюдь не (как выражается Д. Ржанов) "моя — единственная" идея; это — наследие великой России, нам доверенное для сохранения. И да, **единственная пригодная для Народа — Богоносца; пока он таковым остается или в той мере, что он таковым вновь пытается стать.**

Внутри, в рамках монархического строя, конечно, мы и можем, и должны широко идти навстречу, — в пределах возможности и здравого смысла, — всем пожеланиям многообразных групп населения: местного самоуправления; свободы веры, мнения и голоса; тем более веровой и экономической свободы. Благо, — как свидетельствует опыт царской России, — все это суть вещи вполне осуществимые.

Все люди — братья, и им следует любить друг друга; но не подобает закрывать глаза на разницу между братом — соратником и заблудшим братом, отступником от правды; этого последнего мы, в принципе, обязаны любить не меньше... но иначе.

В. Рудинский (Франция)

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Глубокоуважаемые сотрудники ценного национального органа "Наша Страна".

Выражаю вам мое глубокое соболезнование по поводу смерти замечательной русской женщины Татьяны Владимировны Дубровской. Вечная ей память... и благодарность постоянного подписчика изданий И. Л. Солоневича еще с болгарских времен.

Татьяна Дубровская принадлежит славному сонму героических русских женщин, как сестра милосердия Римма Иванова, кутеповская походница Захаренко-Шульц и многие другие.

Берегите же теперь "Нашу Страну"!

Степан Высоколян
Генерал-лейтенант парагвайской армии

СВЯТО-СЕРГИЕВСКАЯ ЕПАРХИАЛЬНАЯ ШКОЛА ВИЖА БАЖЕСТЕР — Фалучо 854

ЦИКЛ СОБЕСЕДОВАНИЙ ПОСВЯЩЕННЫЙ ТЫСЯЧЕЛЕТИЮ
КРЕЩЕНИЯ РУСИ

"ИСТОРИЯ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ФЛАГА И
ГОСУДАРСТВЕННОГО ГЕРБА

по поводу столетия утверждения Имп. Александром 3-им
Государственного Герба

читает
Начало в 17 часов

19 сентября 1982 года

С. А. ЯКИМОВИЧ
Вход свободный

АНОНС I

АНОНС I

16 октября 1982 года

состоится отчетный спектакль балетной студии

МАШИ ПАВЛОВОЙ